

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

ГОГОЛЬ

СТАТЬИ и МАТЕРИАЛЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ЛЕНИНГРАД
1954

АННОТАЦИЯ

В сборнике помещены исследования, доклады, статьи и материалы, в которых подвергнуты анализу вопросы художественного мастерства Н. В. Гоголя, его теоретические воззрения на литературу и журнально-публицистическая деятельность. В сборник включен ряд неопубликованных портретов Гоголя и иллюстраций к его произведениям. Ряд статей освещает мировое значение творчества Гоголя.

Сборник предназначен для филологов и искусствоведов, преподавателей и студентов вузов, а также для других читателей, изучающих курс русской литературы.

Редакционная коллегия

М. П. Алексеев (отв. редактор),
Г. А. Бялый, А. Г. Дементьев, И. П. Еремин, В. Я. Пропп,
М. О. Скрипиль.

П. Н. БЕРКОВ

ОБ ОДНОЙ МНИМОЙ ОПЕЧАТКЕ У ГОГОЛЯ

(К истории текста «Записок сумасшедшего»)

Текстологическая работа, долгие годы составлявшая область сугубо специальных занятий относительно небольших групп литературоведов, привлекла в последнее время серьезное внимание советской общественности. Статьи А. Л. Слонимского «О редакторском произволе»,¹ Вас. Куриленкова «Прихоть редакторов и своеволие составителей»² и некоторые другие познакомили широкие слои читателей с положением вещей на отдельных участках «текстологического фронта».

Касаясь этого важного вопроса, «Правда» писала: «За последнее время некоторыми издательствами снижена требовательность к качеству подготовки к печати и редактирования произведений русских и иностранных классиков художественной литературы. Советский читатель хочет получить отличные издания произведений классиков и советских писателей. Это обязывает составителей и редакторов издаваемых сочинений тщательно и бережно подходить к публикуемым текстам. К сожалению, руководители ряда издательств забывают о своей ответственности перед читателем. Подготовка литературных произведений к публикации нередко поручается людям некомпетентным и недобросовестным».³

Далее «Правда» указывала: «Неряшливость, безответственность в издании книг нельзя расценить иначе, как неуважение к читателю, пренебрежение его интересами. Перед всеми работниками наших издательств стоит первостепенная задача — по-большевистски бороться за высокий идейный, научный и художественный уровень публикуемых произведений. Интересы читателей требуют, чтобы при переиздании произведений была обеспечена тщательная научная подготовка текстов».⁴

¹ Литературная газета, 1952, 10 января, № 5.

² Там же, 1952, 7 февраля, № 17.

³ За высокую идейность в работе издательств! «Правда», 1952. 20 мая, № 141.

⁴ Там же.

Поднятое на страницах советской печати и подытоженное «Правдой» обсуждение вопросов текстологии, вопросов научной подготовки текстов ставит перед советскими литературоведами серьезную и ответственную задачу — с максимальной тщательностью, добросовестностью и осторожностью относиться к своей текстологической работе, не гнушаясь сложными, кропотливыми и малоприятными по своей трудоемкости разысканиями. Советский литературовед-текстолог должен помнить, что его работа — один из элементов, порою очень маленьких, в создании высокой советской культуры. А в этой высокой по своему назначению работе не должно быть отказа от трудных и утомительных изучений и исследований.

Предлагаемая статья имеет целью осветить историю одной мнимой опечатки у Гоголя, а заодно подвергнуть сомнению правильность принятой, вопреки Гоголю, постановки в одном месте запятой, меняющей смысл фразы.

В статье «Зарождение карикатуры в России», помещенной в № 8 «Литературного вестника» за 1902 г., Д. М. Городецкий писал по поводу воспроизведенной в тексте карикатуры на Фадея Булгарина:

«В № 2 „Листка для светских людей“ за 1844 (последний) год появилось, представленное на нашем рисунке, изображение Булгарина, издателя „Северной пчелы“, в виде пчелы с приколотой булавкой к назначенному журнальному месту. На постаменте — нота фа (Фадей) и фигура какого-то восточного человека, которого при желании можно принять и за болгарина. В общем значит — Фадей Булгарин».¹

Объясняя карикатуру-ребус на Ф. Булгарина, Д. М. Городецкий был не совсем прав. Для читателей «Листка светских людей» и вообще для читателей тех лет ребус этот был гораздо понятнее, чем полагал автор статьи об истории русской карикатуры. Тогдашним читателям не нужно было с натяжкой узнавать в восточном человеке болгарина, тем более, что он и не изображал болгарина: если первый слог ребуса означал *фа*, то второй легко воспринимался как «дей». Слово это было в большом употреблении в первой половине XIX в. Так, в № 150 «Северной пчелы» за тот же 1844 г. (среда, 5 июля) был напечатан фельетон «Бывший алжирский дей».

«Энциклопедический словарь» Плюшара, наиболее распространенный справочник в 1830—1840-е годы, слово «дей» пояснял так:

«Дей, Deu, титул, который был носим Алжирским владетелем. Этимологии не согласны в происхождении и значении этого слова. Одни производят его, самым неудачным образом, от

¹ Литературный вестник, 1902, № 8, стр. 407

Персидских „деи“, что значит „бог“, и *даи*, как думает например Шарден, „кормилица“. Другие от Арабского „дай“ „звущий, приглашающий, ведущий (подразумевается) к истине“ в этом-то смысле придавали его одному государю, из фамилии Али, который, около 864 года нашей эры, отнял у Аббасидских халифов Персидские провинции, лежащие на юг от Каспийского моря. Наконец, уверяют, будто слово *дей* есть Турецкое *дей*, „дядя с матерней стороны“. Последнее объясняют так, что солдаты считали султана отцом, республику свою матерью, а дея братом республики. Может быть всего вернее, что *Дей* есть исковерканное Европейцами *бей*, известное титуло Турецких чиновников; а может статься, как догадывается Валь, слово, переделанное из *duca* и *doge* и тому подобного. Дело в том, что в Турецких книгах об Алжирском дее всегда говорится *паша*. Порта имела некогда верховную власть над Варварийскими землями и посылала туда губернаторов с титулом пашей; но в конце XVII века, войско Турецкое, недовольное правлением этих посланцев, просило у ней [Порты. — П. Б.] позволения избрать из среды своей человека, который, с титулом бея, управлял бы их странюю. В 1710 году дей Али-Баба достиг до уничтожения пашей и сделался верховным владыкою Алжира, но вассалом Порты. Жалованье граммат осталось за нею. Последним Алжирским деем был Хусейн-Паша, который вступил в свой сан в 1818, и был свержен Французами в 1830 году: умер в 1834 году, в Александрии в Египте. Несправедливо многие компиляторы дают титул *дея* владельцам Туниса и Триполи: один только Алжирский титуловался таким образом, а Тунисский и Триполийский называются *бьями* и *пашами*.¹

Таким образом, слово «дей» существовало как реальное обозначение до конца первой трети XIX в., а затем постепенно стало выходить из употребления. Так, в «Настольном словаре для справок по всем отраслям знания» Ф. Г. Толля оно еще имеется с тем же объяснением, что и в «Энциклопедическом словаре» Плюшара, но в более сжатом виде.² Но уже в популярнейшем «Словаре 60 000 иностранных слов» Бурдона и Михельсона, вышедшем первым изданием в 1880 г., слово «дей» отсутствует. Когда оно встречалось в иностранных текстах, переведившихся на русский язык, оно систематически заменялось более привычным словом «бей». Так было, например, со «Всемирной историей» Ф. Шлоссера, в т. VII которой («История новейших времен», 1815—1872) излагалось завое-

¹ «Энциклопедический словарь» А. Плюшара. СПб., 1839, г. XVI, стр. 74—75.

² «Настольный словарь» Ф. Г. Толля. СПб., 1864, т. II, стр. 11.

вание Алжира.¹ Здесь дей Хусейн-паша все время называется Гусейн-бей.

Во времена Гоголя на страницах газет, в частности в «Северной пчеле», в связи с колониальной политикой Франции в Северной Африке в конце 1820-х — начале 1830-х годов, постоянно встречались упоминания об алжирском дее. В 1834 г. в газете сообщалось о смерти бывшего алжирского дее. Одновременно там же печатались сведения о событиях в Испании; был даже специальный отдел, который назывался «Испанские дела».

Неудивительно, что герой «Записок сумасшедшего», регулярно читающий «Северную пчелу», все время бредит об «испанских делах». На это обратил внимание в своем комментарии к «Запискам сумасшедшего» в т. III академического издания «Полного собрания сочинений» Гоголя В. Л. Комарович. Он считал, что Поприщин, по замыслу Гоголя, в бредовом состоянии реагирует на сообщения об испанских событиях 1833 г. (АН, III, 703—704). Впрочем, от внимания комментатора ускользнуло совпадение названия отдела в «Северной пчеле» и формулы «Испанские дела» у Поприщина.

Очевидно, что и заключительная фраза «Записок сумасшедшего» в печатной редакции в «Арабесках» (1834) — «А знаете ли что, у Алжирского Дее под самым носом шишка?»² — тоже связана с поприщинскими чтениями «Северной пчелы» (АН, III, 701).

В следующем издании — 1842 г., проходившем без наблюдения Гоголя, — эта фраза орфографически сохранилась в неприкосновенности, только запятая была поставлена перед «что», и предложение получило окончательную редакцию: «А знаете ли, что у Алжирского Дее под самым носом шишка?» Так эта фраза и вошла в сознание читателей, хотя она существенно меняла интонацию гоголевской концовки. Можно объяснить, как возникло «исправление» Прокоповичем пунктуации Гоголя. Преподаватель словесности в Пажеском корпусе Н. Я. Прокопович был большим педантом в соблюдении орфографических и пунктуационных норм своего времени. Постановку Гоголем запятой после «что» (вместо вопросительного знака) Прокопович воспринял как опisku, не учтя изменения интонации и смысла фразы.

Нет необходимости проследивать дальнейшую историю «дее» в посмертных изданиях «Записок сумасшедшего». Судьба слова «дей», утратившего практический характер и превра-

¹ «Всемирная история» Ф. Шлоссера. СПб., М., 1876, т. VI, стр. 184—185.

² Н. В. Гоголь. Арабески СПб., 1834, ч. II, стр. 276.

тившегося в термин с историческим значением, отразилась и на изданиях повести о Гоголе.

Но если во многих популярных изданиях произведений Гоголя, вышедших во второй половине XIX и начала XX в., неизменно встречается «бей» вместо «дея», то совершенно непонятно, как эта же ошибка вкралась в такие, считавшиеся авторитетными, издания сочинений Гоголя, как десятое под редакцией Н. С. Тихонравова (Тих. V, 365 и 617), и В. В. Каллаша в издательстве Брокгауза и Ефрона.¹ Очевидно и здесь форма «дей» была сочтена опечаткой и молчаливо исправлена.

Только в 1928 г. в выпущенных Государственным издательством под редакцией Б. М. Эйхенбаума и К. В. Халабаева «Сочинениях» Гоголя впервые был восстановлен текст «Записок сумасшедшего» по изданию 1835 г.,² и, вместо традиционного «алжирского бея», было напечатано — «дей».

В академическом «Полном собрании сочинений» Гоголя в основном тексте «Записок сумасшедшего» в соответствии с гоголевской рукописью было напечатано: «А знаете ли, что у французского короля шишка под самым носом» (АН, III, 214), а в разделе «Варианты» приведены чтения «Арабесок» и издания 1842 (АН, III, 571).³ О слове «дей» там было сказано только, что «в связи с завоеванием Алжира французами в 1830—34 гг. алжирский дей (и именно дей, а не бей) часто упоминался в те годы на страницах „Северной пчелы“» (АН, III, 701).

Таким образом, после академического издания, казалось бы, вопрос должен стоять только о том, брать ли при дальнейших перепечатках «Записок сумасшедшего» текст гоголевской рукописи (с французским королем) или текст «Арабесок» и издания 1842 г. (с алжирским деем). В. Л. Комарович, редактируя «Записки сумасшедшего» в академическом издании, утверждал, что «неприемлем был, конечно, не для Гоголя, а лишь для цензора и „французский король“, шишка которого поэтому передана была „алжирскому дею“» (АН, III, 700—701).

Может быть, В. Л. Комарович и был прав, отводя определенную роль цензуре в замене «французского короля» «алжирским деем». Однако важно, что если даже замена была сде-

¹ Н. В. Гоголь. Под ред. В. В. Каллаша. Изд. Брокгауза и Ефрона Пгр., 1915, т. 3, стр. 269.

² Н. В. Гоголь. ГИЗ, Л.—М., 1928, т. II, стр. 56.

³ Впрочем, непонятно почему, пунктуация «Арабесок» была без соответствующих оговорок изменена. В академическом издании последняя фраза «Записок сумасшедшего» передана в следующем виде: «А знаете ли что: у алжирского дея под самым носом шишка?»

лана по предложению цензора, то из всех возможных комбинаций Гоголь выбрал именно «алжирского дея», так как это художественно дорисовывало образ Поприщина, внимательного читателя «Северной пчелы», печатавшей сведения о бывшем владельце Алжира рядом с «испанскими делами», так увлекавшими гоголевского героя. Кроме того, концовка с «алжирским деем» своей «экзотической» неожиданностью была сильнее, ярче и легче запоминалась, чем с «французским королем». Поэтому традиционный текст с «алжирским деем», печатающийся с 1835 г., имеет, как нам кажется, не меньше оснований сохраняться, чем воспроизведенный по рукописи «французский король».

Это, однако, не помешало редакции «Собрания сочинений» Гоголя в 1949 г. восстановить «бея» в правах, — как видно из изложенного, — незаконных.¹

Новое академическое (популярное) издание «Сочинений» Гоголя (1950) «дея» сохранило, но пунктуации «Арабесок» не учло, воспроизведя расположение знаков препинания так, как оно было сделано Прокоповичем, то есть нарушив художественный замысел автора.

Я полагаю, что надо решительно вернуться к смысловой редакции «Арабесок» 1835 г., заменив для популярных изданий пунктуацию Гоголя нашей современной:

«А знаете ли что? — у алжирского дея под самым носом шишка!»

¹ Н. Гоголь. Собр. соч., под общей ред. Ф. М. Головенченко. ГИХЛ, т. III (подготовлен Н. Л. Степановым). 1949, стр. 185.